

И драму,
Как даму,
В два мига причесал.
(Я. Б. Княжнин,
«Волосочесатель-сочинитель»)²⁴

— Врача:

Казанье ли говорит — не раны желает
Исцелить душевные, но похвал жадает.
(А. Д. Кантемир)²⁵

Этот ряд сравнений и число примеров можно легко увеличить: садовник, архитектор, скульптор (например, в «Наставлении хотящим быти писателями» А. П. Сумарокова) и др.

Что стоит за всеми этими сравнениями и метафорами? Конечно, можно сказать, что многие из них отмечены чисто полемической и пейоративной окраской. Например, в анонимной эпиграмме 1769 г., направленной против В. Г. Рубана, который среди современников имел устойчивую репутацию сервильного и бездарного поэта:

Не будет тот столяр, кто *рубит* лишь дрова;
Не будет тот Пиит, кто русские слова
Разрубит на стихи и рифмами окончит.
Кто *рубит*, кто клеит, кто стружет и кто точит,
То всякому из них различны имена.
Так для чего ж у нас та вольность всем дана,
Что может и *Рубачь* Пиитом называться?
За имя же сие *Рубачь* готов хоть драться,
И *нарубив* стихов, он мнит, что славен ввек,
Так славен по всему и всякий дровосек?²⁶

Здесь обыграно напрашивающееся и прозрачное для отождествления созвучие «рубит—Рубан».

И тем не менее представляется, что за всеми перечисленными метафорами и сравнениями стоит не просто литературная полемика (поскольку многие приведенные примеры — это автохарактеристики), а идея десакрализации и профессионализации литературного труда; сама «ремесленная» метафорика отражает начавшийся еще при Петре I процесс секуляризации литературы.

Если обратиться к предшествующей литературной эпохе, то можно увидеть, что писатели и книжники Древней Руси также пользовались подобными сравнениями: например, работы книжника с пчелой — это самое популярное сравнение с очень почтен-

²⁴ Стихотворная новелла (сказка) XVIII—начала XIX века. Л., 1969. С. 218.

²⁵ Кантемир А. Собрание стихотворений. С. 383.

²⁶ Поэты XVIII века. Л., 1970. Т. 2. С. 410.